

Учреждение Российской академии наук
Институт философии РАН

**Государство, миграция
и культурный плюрализм в современном мире
Материалы международной научной конференции**

Под редакцией В.С.Малахова, В.А. Тишков , А.Ф. Яковлевой

Москва, 2011

УДК 316
ББК 60.5
Г 72

Сборник подготовлен в Центре изучения проблем гражданства и идентичности при Институте философии РАН

Г 72 Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции // Общ. ред. В.С. Малахов, В.А. Тишков, А.Ф. Яковлева. – М.: «Издательство ИКАР», 2011. – 266 с.: илл.

ISBN 978-5-7974-0253-4

В книге собраны тексты докладов, сделанных в рамках Международной научной конференции, которая прошла в сентябре 2009 г. при поддержке Фонда им.Фридриха Эберта (Friedrich Ebert Stiftung) в Москве. Кроме того, в сборник вошло несколько статей, любезно предоставленных авторами, не принимавшими участия в конференции.

**УДК 316
ББК 60.5**

ISBN 978-5-7974-0253-4

© Малахов В.С., 2011

© Тишков В.А., 2011

© Яковлева А.Ф., 2011

© Редакция переводов, Малахов В.С., 2011

© Авторы, 2011

© Институт философии РАН, 2011

© Центр изучения проблем гражданства и идентичности, 2011

© ЗАО «Издательство ИКАР», 2011

The Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences
Center for citizenship and identity studies www.ccisru.org

The State, Migration and Cultural Pluralism in Contemporary World.
Materials of International Conference / Ed. by Vladimir Malakhov,
Valery Tishkov, Aleksandra Yakovleva.

The book collects materials of the International Conference “Nation State, Migration and Cultural Pluralism” held in September 2009 at the Institute of Philosophy (Russian Academy of Sciences) with support of *Friedrich Ebert Foundation* in Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. В.Малахов. Государства, миграции и культурный плюрализм: определяя рамки обсуждения	6
Часть I. Нации-государства в условиях транснациональной миграции: теоретический аспект.	19
Р. Баубёк. Граждане в движении: демократические стандарты политического и социального членства мигрантов	19
В. Малахов. Транснациональная миграция как проблема политической теории	35
К.-У.Шируп, А.Алунд. За пределами либерального плюрализма: миграция и политика исключения в Европе.	45
Часть II. Демократия и культурное разнообразие: непростые взаимоотношения	89
К.Джоппке. Права меньшинств для иммигрантов: мультикультурализм versus антидискриминация	89
А.Осипов. Разнообразие и культура: российские восприятия.	109
Б.Цилевич. Современное национальное государство и культурное многообразие: концепции и правовые рамки Совета Европы	145
Часть III. Культурный плюрализм и социальная интеграция	172
Е.Деминцева. Сообщества мусульман во Франции: значение понятия «интеграция» сегодня	172
С.Румянцев. Национальное государство и политика конструирования этнонационального сообщества: случай Азербайджана	187
Я.Сойсал. “Космополитизация” нации и гражданина: европейская дилемма	211
С.Рязанцев, Е.Письменная. Адаптация иностранных учебных мигрантов в России	223
Вместо заключения. В.Тишков. О культурной сложности современных наций	243

CONTENT

Introduction (Vladimir Malakhov)	6
PART I. Nation States Facing Transnational Migration:	
Theoretical Dimension	19
Rainer Bauböck. Citizens on the move: democratic standards for migrants' membership	19
Vladimir S.Malakhov. Transnational migration as a problem of political theory.	35
Carl-Ulrik Shierup, Aleksandra Ålund. Beyond liberal pluralism. Migration and politics of exclusion in Europe	45
Part II. Democracy and Cultural Diversity: Complicated Relations	89
Christian Joppke. Minority Rights for Immigrants? Multiculturalism versus antidiscrimination.	89
Alexandr Osipov. Diversity and culture: Russian perceptions	109
Boris Tsilevich. Contemporary nation state and cultural diversity: conceptual and legal frameworks of European Union	145
Part III. Cultural Pluralism and Social Integration	172
Ekatherina Demintseva. Muslim communities in France: what does “intergration” mean today?.	172
Sergey Rumyantsev. Nation state and construction of ethnonational community: case Azerbaijan	187
Yasemin N. Soysal. “Cosmopolitization” of the nation and citizen: a European dilemma	211
Sergey Riazantsev, Elena Pismennaya. Adaptation of foreign students residing in Russia	223
Conclusion (Valery Tishkov)	243

ВВЕДЕНИЕ¹

Современные государства понимают себя как *национальные государства*. Такое понимание основывается на допущении, что население, находящееся под юрисдикцией определенного государства, является нацией, т.е. неким культурным единством, культурной целостностью. Однако такое единство или целостность – условность. Реальное население на территории, контролируемой тем или иным государством, состоит из множества групп, отличных друг от друга по целому ряду параметров – от этнических до региональных, от религиозных до жизненно-стилевых.

Налицо коллизия. С одной стороны, функционально-структурный императив культурной однородности, которому следует – и не может не следовать – любое современное государство. С другой стороны, реальная культурная неоднородность общества.

На протяжении более чем столетия, вплоть до середины XX века, решение этой коллизии видели в ассимиляции. В подчинении всех индивидов, населяющих территорию «национального государства», определенному культурному образцу, принятому за «национальный». От индивидов и групп, отклоняющихся от этого образца, ожидали если и не полного растворения в «господствующей культуре», то, по крайней мере, отказа от публичного выражения своей культурной инакости. Единственным местом, где культурному разнообразию дозволялось существовать, была приватная сфера.

Однако в течение последней трети XX столетия ситуация изменилась. В этот период и на политической сцене, и в академической среде получают распространение такие риторические фигуры как «признание различий», «право на идентичность», «мультикультурное общество», «мультикультурное гражданство» и «постнациональное государство». На повестку дня выходит вопрос о легитимном присутствии культурных различий в публичной сфере.

На этом фоне в конце 1980 - середине 1990-х годов во многих западных демократиях расцвела идеология мультикультурализма. Некоторые адепты этой идеологии заговорили о необходимости дополнить концепцию индивидуальных прав человека концепцией коллективных прав. Кроме того, в ходе полемики «мультикультурали-

---

¹ Издание подготовлено в рамках проекта «Проблемы гражданства и идентичности» (Минобрнауки РФ, ГК № 02.740.11.0381).

стов» с «монокультуралистами» был поднят вопрос о конце отношений культурного господства, которые сложились в эпоху европейского колониализма.

Ответом на идеологию мультикультурализма на *леволиберальной* фланге становится тезис о гражданском равенстве, которое по определению является слепым к различиям. На *правоконсервативном* фланге вызревает другой ответ мультикультурализму меньшинств: «дифференциализм». Логика дифференциализма такова. Если у меньшинств есть право на сохранение идентичности, то такое право есть и у большинства; поэтому давайте оберегать различия; давайте уважать разнообразие, а значит – строго следить за тем, чтобы социальные и символические границы, отделяющие «нас» от «них», оставались на замке. Как бы то ни было, тематика «мультикультурализма», если не определяла политическую и идеологическую повестку дня тех лет, то активно в ней присутствовала. «Мы все теперь мультикультуралисты» – под таким красноречивым названием вышла в 1996 г. одна из книг ветерана американской политологии Натана Глейзера.

Однако в конце 1990-х – начале 2000-х годов атмосфера вновь изменилась. Риторика культурного разнообразия вышла из моды. Идеи культурно плюралистического общества утратили кредит доверия. На передний план вышла риторика интеграции, за которой иногда неявно, а часто и явно стоит идеал ассимиляции.

И все же, несмотря на произошедшее разочарование в «мультикультурализме», в странах либеральной демократии растет понимание того обстоятельства, что прежний идеал нации – нации как культурно гомогенного сообщества – нереализуем. Даже политики однозначно консервативного толка отдают себе отчет в необратимости изменений – как этнодемографических, так и социокультурных – которые общества индустриально развитого мира претерпели в течение последних трех десятилетий. Министр внутренних дел ФРГ Вольфганг Шойбле (которого трудно заподозрить в субверсивных намерениях по отношению к традиционным немецким ценностям) заявил не так давно: «Ислам – это часть Германии». Тем самым германский политик-консерватор констатировал радикальную трансформацию немецкого общества, произошедшую в результате присутствия в стране выходцев из Турции и других стран мусульманского культурного ареала.

Поэтому сегодня актуален не вопрос о том, допустимо или недопустимо проявление культурных различий в публичной сфере, а вопрос о том, как организовать демократическое общежитие в условиях плюрализации социального пространства.

Задумывая конференцию, материалы которой публикуются ниже, мы видели свою главную задачу в том, чтобы включить российские (и, шире – постсоветские) дискуссии в международный контекст.

В нашей стране публичные дебаты на эту тему практически отсутствуют. Ни элиты, ни общество, похоже, не готовы к признанию того обстоятельства, что Россия уже является иммиграционной страной (и что она не может не являться таковой, будучи индустриально развитой). Российское государство и российское общество, похоже, повторяют ошибки, которые совершали страны Западной Европы в 1960-1970-е годы. Они находятся под властью *фикции временности*. Иллюзии, согласно которой трудовые мигранты, находящиеся сегодня в России, завтра вернутся на родину. Симптоматично, как легко вошло в современный русский язык немецкое слово «гастарбайтер». Истина, однако, в том, что значительная доля тех, кого считают «гостевыми рабочими», здесь не в гостях. Они намерены жить в России постоянно, рожая и воспитывая здесь детей. И многие уже доказали серьезность своих намерений – вопреки бюрократическим препонам и недобросовестным работодателям.

Это значит, что уже *назрела необходимость разработки систематических мер по включению новоприбывших в российское национальное сообщество, в российскую гражданскую нацию*. Однако на сегодня голоса тех ученых и политиков, которые ставят этот вопрос, тонут в хоре «государственников», озабоченных проблемой этнокультурной безопасности.

***

Редакторы этого сборника были первопроходцами в том, что касается теоретического освоения проблематики мультикультурализма в нашей стране. В сентябре 1999 г. мы провели первую в России международную научную конференцию «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ», по результатам которой опубликована одноименная книга². Ровно десять лет спустя мы вернулись к

---

² См.: Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.

обсуждению этой темы, уже в новой ситуации и с новым составом участников. Международная конференция «Национальное государство, иммиграция и культурный плюрализм» прошла в сентябре 2009 г. в Институте философии РАН.

Прежде чем перейти к обзору вошедших в книгу текстов, обратим внимание на методологическую особенность нашего подхода к проблематике «национальное государство versus культурный плюрализм». Обычно эту проблематику рассматривают в двух плоскостях. Первая касается культурного плюрализма, связанного с исторической неоднородностью населения (баски в Испании, квебекцы в Канаде, татары в России и т.д.). В другой плоскости изучается культурный плюрализм, обусловленный иммиграцией (магрибинцы во Франции, индопакистанцы и выходцы с островов Карибского бассейна в Британии, марокканцы и суринамцы в Голландии и т.д.). Мы полагаем, что пора отказаться от этой традиции. Почему? Хотя бы потому, что на протяжении XX века политическая карта Европы перекраивалась трижды – в 1918, 1945 и 1991 гг. В результате этих перекроек люди в одночасье превращались из «коренных жителей» той или иной страны в национальное меньшинство» и в «мигрантов». Таким образом, культурная неоднородность населения современных «национальных государств» – факт, требующий изучения и осмысления, независимо от того, каково происхождение этого факта.

***

В первой части книги собраны статьи, посвященные теоретическим аспектам проблематики «национальное государство vs. транснациональная миграция». В центре внимания *Райнера Баубёка* – порождаемое миграционными процессами несовпадение границ государства и границ гражданства. Дело в том, что гражданство есть нечто большее, чем статус. Оно означает членство в политическом сообществе, ограниченного определенной территорией, а именно территорией государства. Граждане – это не просто носители определенных прав (реализация которых гарантируется государством). Граждане еще и несут определенные обязательства, а для того, чтобы они относились к последним серьезно, они должны ощущать себя принадлежащими политическому сообществу, именуемому нацией (нацией-государством, национальным государством). Иными словами, гражданство предполагает не только формальную, но и содержательную принадлежность индивидов к сообществу, т.е. идентичность.

До наступления эры глобальных миграций здесь не возникало коллизий. Государство рассматривало родившихся на его территории людей как своих граждан, а находящихся на этой территории мигрантов – как граждан других государств. Однако с наступлением эры глобализации доля иммигрантов в населении государств принципиально возросла. Это обстоятельство влечет за собой целый ряд непростых вопросов. Следует ли по-прежнему придерживаться традиционного понимания связи между национальным государством и национальным членством? Или эта связь должна быть переосмыслена? При каких условиях иммигрантам должно предоставляться гражданство? Должен ли в число таких условий входить отказ от гражданства страны происхождения?

Р.Баубёк – убежденный защитник практики двойного гражданства. При этом он далек от крайностей либертарианства (сторонники которого готовы говорить исключительно о правах индивидов, но не об их обязанностях). Подход, предлагаемый Р.Баубёком, заключается в рассмотрении феномена гражданства как *заинтересованного участия*. Гражданами того или иного государства, т.е. полноценными членами того или иного политического сообщества, могут считаться те индивиды, жизненные интересы которых непосредственно связаны с будущим данного сообщества. Граждане есть те, кто участвует в определении этого будущего – делая в него прямые «инвестиции» (в виде налогов) и принимая решения о политическом и экономическом курсе страны.

Предмет статьи *Владимира Малахова* – осмысление феномена транснациональной миграции в современной политической теории. Теоретическая позиция, с которой полемизирует автор – «секьютеризация» проблематики иммиграции, т.е. рассмотрение последней сквозь призму государственной безопасности. Миграционный приток сопряжен с множеством проблем – социальных, экономических, правовых, бытовых, морально-психологических, культурных. Тем не менее, редукция проблематики иммиграции к вопросам безопасности, которая так распространена в отечественной литературе, – крайне непродуктивна. Российское обществоведение накапливает отставание от западного, в котором уже несколько десятилетий идет интенсивное междисциплинарное изучение феномена транснациональной миграции. Объектом критики автора выступает также *культурализация* миграционной проблематики – освоение социальных отношений, возни-

кающих в связи с иммиграцией, в терминах культуры (будь то культурный «конфликт» или культурный «диалог»).

В центре внимания *Карла-Ульрика Ширупа и Александры Алунд* – критика неолиберального дискурса вообще и его импликаций в сфере теоретического освоения феномена иммиграции, в частности. Анализируя влияние неолиберализма на политическую, идеологическую и академическую сферу в современной Швеции, авторы отмечают, что эта страна долгое время оставалась в числе благополучных с точки зрения включения в гражданско-политическое сообщество новых членов – выходцев из стран бывшего «третьего мира». Однако тревожные явления, о которых в середине 1990-х заговорили по всей Западной Европе, не обошли и Швецию. Теоретическая рамка, позволяющая адекватно осмыслять происходящее – социальное исключение. Оно обусловлено, прежде всего, обстоятельствами *структурного* характера. Это растущая безработица, закрытые каналы социальной мобильности для определенных групп населения, концентрация неблагополучия в городских пригородах и т.д. Но, поскольку иммигранты и их потомки живут, по большей части, как раз в этих неблагополучных районах, социальное исключение, от которого они страдают, выглядит как нечто, обусловленное присущими им *культурными* свойствами. Внешнему взгляду начинает казаться, что корень проблемы лежит в «культуре» иммигрантов и их детей, в их культурных отличиях от принимающего сообщества. Эту иллюзию и используют неолиберальные политические силы, как в Швеции, так и в других частях Европы. Стержень их риторики – охотно подхватываемой капитанами медиа-бизнеса – ценностный конфликт между приезжими и местными, «нежелание» иммигрантов интегрироваться в общество принимающей страны (опять-таки вызванное их цеплянием за свою «культуру»). Алунд и Шируп энергично противостоят этой риторике, показывая, как она помогает камуфлировать реальные проблемы.

Вторая часть сборника открывается статьей *Кристиана Джоппке*. Автор сосредоточил внимание на вопросе о возможности распространения на иммигрантов культурных прав, действующих в отношении национальных (этнических) меньшинств. По его мнению, принцип недискриминации вступает в противоречие (и логически, и политически) с принципом прав меньшинств. В самом деле, принцип недискриминации основывается на допущении равенства индивидов и, соответственно, предполагает отвлечение от присущих им свойств

(будь то этническое происхождение, религиозная принадлежность и т.д.). Принцип прав меньшинств, напротив, предполагает, что индивиды, будучи изначально членами того или иного коллектива, могут страдать от несправедливого обращения не в качестве индивидов, а в качестве членов коллектива (если данный коллектив является меньшинством). Иными словами, последовательное применение к ним принципа недискриминации, т.е. формального равенства, на практике означает как раз дискриминацию – фактическое неравенство в доступе к правам. Это противоречие стало предметом специального изучения у целого ряда специалистов (например, у такого авторитетного политического философа как Уил Кимлика). Канадскому философу принадлежит различение, на которое опирается К. Джопке, а именно: меньшинства, населяющие территорию государства исторически (*home based minorities*), или «коренные», с одной стороны, и меньшинства, образуемые иммигрантами, с другой. Последние оказались на данной территории в результате индивидуального и добровольного прибытия, тогда как в случае исторических меньшинств индивидуального выбора не происходило: они являются местными жителями на протяжении десятков поколений. Кроме того, образуемые иммигрантами коллективы носят не исторический, а ситуативный характер. Отсюда следует два вывода. Во-первых, права, действующие в отношении исторических меньшинств, не могут быть распространены на меньшинства, образуемые иммигрантами. Во-вторых, усвоение иммигрантами (точнее, активистами иммигрантских организаций) идеологии мультикультурализма (провозглашающей право на сохранение культурной самобытности) влечет за собой ряд неразрешимых проблем. Главная из них – несовместимость некоторых из поведенческих норм, принятых иммигрантами из исламских стран, с принципами либерализма.

Предмет статьи *Александра Осипова* – специфика того способа концептуализации проблем, связанных с иммиграцией, который сложился в публичном и академическом пространстве в России. По мнению автора, российские дискуссии отличаются от дискуссий, ведущихся в либеральных демократиях Запада тем, что проблематика равноправия (а значит – предотвращения дискриминации) у нас, как правило, вытеснена на второй план. На первом же плане в отечественных дебатах находятся вопросы культуры (и, в той мере, в какой культура связывается с происхождением – вопросы этничности).

А.Осипов выделяет три смысловых поля в треугольнике «миграция» – «равенство» – «культура». Первое из таких полей – миграция и этничность, второе – миграция и равенство, третье – культура и равенство. Анализируя каждое из этих смысловых полей, автор обращает внимание на молчаливые допущения пишущих и говорящих на эти темы. Так, например, среди академических авторов в России стало едва ли не общим местом положение об *этнизации* миграционной проблематики в публичных дебатах и в официальной риторике. Однако то, как именно дискурсивная этнизация влияет на политические практики – то, как этноцентричные схемы восприятия сказываются на действиях властей – не исследуется. Автор не только подмечает очевидный теоретический дефицит российской исследовательской литературы, но и утверждает, что сколько-нибудь жесткой связи между (этноцентричным) дискурсом, с одной стороны, и поведением лиц, принимающих решения, с другой, не просматривается. Действия чиновников обусловлены скорее бюрократической рутинной, чем какими-либо соображениями идеологического характера. Если в этих действиях есть иная мотивация, кроме соблюдения правил игры, установившихся в пределах бюрократического поля, то это мотивация коррупционная. А извлечение коррупционных доходов происходит безотносительно к этнической принадлежности тех, из кого они извлекаются. Поэтому даже в тех случаях, когда жертвами злоупотреблений оказываются этнически отличимые от окружения иммигранты или этнические меньшинства (курды, езиды, цыгане и т.д.), не стоит торопиться с выводами и связывать происходящее с (этноцентричной) оптикой чиновников.

Таковы, в общих чертах, соображения автора относительно академического аспекта восприятия миграционной проблематики в России. Что касается поведения российских властей, то в его анализе А.Осипов считает необходимым четко отделять друг от друга символический (риторический) и инструментальный (практический) уровни. Речевое поведение чиновников существует само по себе, а практическое – само по себе, в силу чего исследователю следует крайне осторожно относиться к собственным обобщениям. Автор выделяет следующие риторические фигуры, определяющие обращение с миграционной проблематикой со стороны российской бюрократии. Это «борьба с экстремизмом» и «этническое развитие». Обе эти фигуры позволяют уйти от обсуждения проблем равенства и

(не)дискриминации и перевести разговор либо в плоскость «межкультурного (межэтнического) диалога», либо в плоскость «экстремистских проявлений».

В статье *Бориса Цилевича* находят подробное освещение политико-правовые аспекты проблемы «национальное государство и культурное разнообразие». Будучи экспертом, не первый год работающим в структурах Парламентской ассамблеи Совета Европы, автор делится с читателями знанием о том, как вопросы сохранения культурного разнообразия (и, соответственно, вопросы защиты меньшинств) регулируются на уровне институтов Евросоюза. Важнейшим из этих институтов является, конечно, Европейский суд по правам человека (анализу его отдельных решений посвящены интереснейшие страницы статьи Б.Цилевича). Однако суд – далеко не единственная инстанция, в которой вырабатываются решения по вопросам, затрагивающим интересы людей с различными культурными идентификациями. Дело в том, что подобного рода вопросы имеют серьезную политическую составляющую. Какие практики следует считать проявлениями дискриминации, а какие – вполне законными действиями государства по поддержанию территориальной целостности и общественного порядка? Какие именно правовые нормы являются «международными стандартами», а какие – результатом навязывания одними игроками правил поведения для других? Разногласия по этому поводу – между правительствами различных государств, между представителями государства и неправительственными организациями, между экспертами, придерживающимися диаметрально противоположных идеологических ориентаций – неустранимы. Вот почему политические элиты Евросоюза охотно поддерживают тезис о поддержке культурного многообразия на уровне деклараций, но гораздо менее охотно – на уровне практических решений. Как только дело упирается в реальную политику, принимаемые надгосударственными органами Евросоюза решения оказываются компромиссными. Их важнейшая мотивация – избежать возможного конфликта (или сгладить таковой, если он уже возник). Морально-правовые принципы уступают место политической рациональности.

В третьей части собраны тексты, под разными углами зрения затрагивающие проблему поддержания единства общества (социальной интеграции) в современных условиях.

Екатерина Деминцева обращается к опыту Франции и, в частности, к тому, как в различных сегментах современного французского общества воспринимается вопрос о включении во французское общество выходцев из стран Магриба. Автор знает эту тему не понаслышке. Она лично проводила социологические исследования в парижских пригородах, поэтому рисуемая ею картина выгодно отличается от карикатуры, с которой мы вынуждены иметь дело, оставаясь телезрителями. В чем особенности этой картины? Прежде всего, в ее многомерности. Процесс, именуемый «интеграцией», ни в коей мере нельзя отождествлять с ассимиляцией и аккультурацией (когда от новоприбывших ожидают полного растворения в обществе принимающей страны). Строго говоря, такое растворение в принципе невозможно. Во-первых, потому, что даже в тех случаях, когда выходцы из иммигрантской среды (дети живущих во Франции магрибинцев) пытаются ассимилироваться, эти попытки с недоверием встречаются коренными французами. Им не дают забыть об их происхождении. Во-вторых, выбор в пользу ассимиляции наталкивается на целый ряд социально-структурных и культурно-психологических ограничений. Это и давление среды (семьи, квартала, друзей), и низкий уровень образования в школах, где обычно учатся дети мигрантов, и моральный дискомфорт, связанный со сменой идентификации. Молодые магрибинцы – «бёры», как их именуют во Франции – изначально находятся в «межеумочном» положении. Они чужие для местного населения и не совсем свои для того окружения, из которого вышли их родители. Отсюда проистекает их своеобразное отношение к религии. Не будучи, в большинстве своем, практикующими верующими, они, тем не менее, идентифицируют себя с исламом. Такая идентификация носит по преимуществу компенсаторный характер, показывает Е.Деминцева. Ассоциируя себя с исламом, магрибинцы преодолевают ту символическую недостачу, которая порождена их социальной маргинальностью.

В статье Сергея Румянцева проблематика иммиграции уступает место проблематике эмиграции, а именно: обсуждается вопрос о том, как массовый выезд граждан из современного Азербайджана влияет на процесс «нациостроительства» в данной стране. Государственность в современном Азербайджане, как и во многих постсоветских странах, не является устойчивой и не ощущается таковой ни властью, ни населением, утверждает автор. Нацию – в данном случае, азербай-

джанскую – еще необходимо сконструировать. Это в высшей степени непростая задача, учитывая то обстоятельство, что порядка половины населения Республики Азербайджан, образовавшейся на месте Азербайджанской ССР, постоянно проживают за границей. Но как раз этот факт – наличие за пределами Азербайджана большого количества его потенциальных граждан (азербайджанской «диаспоры»), послужил для сегодняшнего Бакинского руководства отправным пунктом в его усилиях по нациостроительству. С.Румянцев анализирует, каковы те инструменты, которые находятся в распоряжении агентов конструирования нации в Азербайджане. Основной агент – это, разумеется, бюрократия. Инструменты в ее распоряжении – государственная машина статистики и специальные органы, созданные правительством с целью мобилизации «азербайджанской нации». Азербайджанская нация воображается как очень многочисленная (более 50 млн. человек). В ее состав включается не только население сегодняшнего Азербайджана (около 8,4 млн.), но еще четыре десятка миллионов человек по всему миру, имеющих азербайджанское происхождение. Таким образом, получается, что более четырех пятых нации проживают в «диаспоре». У азербайджанской нации, в том виде, как она воображается политическим классом Республики Азербайджан, две точки сборки. Это (а) противостояние «мировому армянству» и (б) глорификация Гейдара Алиева – отца нынешнего президента и бывшего лидера, руководившего республикой еще в советское время. Другими ресурсами консолидации населения Бакинские власти не располагают. Отсюда и проистекает их обращение к политике «диаспоры».

Непосредственный предмет статьи *Ясмин Сойсал* – европейская система школьного образования. Автор специально изучала школьные программы в ряде европейских стран (таких, в частности, как Франция и Великобритания) с тем, чтобы ответить на вопрос, каким образом в этих программах отражается полиэтничный и мультикультурный характер сегодняшней Европы?

На первый взгляд, эти программы нацелены на формирование «космополитичных» граждан. Они делают упор на воспитание в детях открытости миру, любопытства к различиям, терпимости к инаковости. Они сознательно развивают в учениках уважение к культурному разнообразию и критичность по отношению к любым проявлениям национализма и ксенофобии. Словом – формируют будущих

строителей «европейского проекта». Однако, если присмотреться, то обнаруживается, что Европа, существующая на деле, сильно отличается от того образа самой себя, который она вписала в школьные учебники. Представления о национальном сообществе и гражданстве, на которых основывается практическая политика европейских стран по отношению к иммиграции и иммигрантам, являются собой полную противоположность космополитизму и мультикультурализму. Это политика, полная жестких ограничений и мотивированная национальным эгоизмом. От выходцев из бедных и неблагополучных стран, которым дозволяется остаться в Европе, ожидают полной аккультурации. Тесты по интеграции, которые мигранты теперь должны сдавать, чтобы доказать свою пригодность к европейскому гражданству, не предусматривают таких сюжетов, как дискриминация на рынке труда, нападения правых радикалов или (европейская) колониальная эксплуатация, от последствий которых до сих пор страдают неевропейские континенты. Вот почему преодоление европоцентризма, декларируемое в Брюсселе, Лондоне и Париже, на сегодняшний день представляет собой скорее пустое обещание, чем серьезное намерение, заключает автор.

В статье *Сергея Рязанцева и Елены Письменной* анализируется целый круг вопросов, связанных с учебной, или образовательной, миграцией в Россию. Читателю будет небезынтересно узнать от специалистов (а авторы – профессионалы в данной области) количественный и качественный состав студентов из-за рубежа, а также содержание проблем, с которыми они сталкиваются в процессе адаптации к российской жизни. Иностранцы студенты, обучающиеся в российских вузах (в основном, в Москве и Санкт-Петербурге, но также в Томске, Новосибирске, Самаре), могли бы стать хорошим демографическим ресурсом для нашей страны. Юный возраст, ориентированность значительной их части на постоянное жительство в России, квалификация, уровень знания русского языка – все эти факторы говорят в пользу того, что студенты из других стран могли бы легко влиться в российское гражданское сообщество. Однако, как с сожалением констатируют С.Рязанцев и Е.Письменная, они не рассматриваются российскими властями в качестве ресурса.

В качестве Заключения к сборнику мы взяли статью В.А.Тишкова, название которой говорит само за себя: «О культурной сложности современных наций». Автор еще раз возвращается к поле-

мике с распространенным в России представлением о нациях как продуктах эволюции этносов. Не менее энергично он отмежевывается и от позиции, согласно которой условием успешного существования современных национальных государств является наличие одной («господствующей» и связанной с одним этническим сообществом) культуры. Пафос автора – в демонстрации того обстоятельства, что большинство наций современного мира являются многокультурными (мультикультурными), однако это никоим образом не препятствует их процветанию.

В.С.Малахов